

Stepan SUMIN A concert for sophisticated listeners

Степан СУМИН Концерт для подготовленного слушателя

Тема. В среду, 10 октября, в 15.00 в аудитории № 60 Санкт-Петербургской консерватории состоялся мастер-класс австрийского композитора и органиста Клауса Ланга. На нем сорокалетний композитор давал советы молодым композиторам. Их было четверо: трое представляли «новую» музыку (Марина Полеухина, Артур Зобнин, Юрий Акбалькан) и один — «академическую» (Алексей Логунов). В центре вопросов, задаваемых ведущим мастер-класса, была логика — построения ткани, использования средств выразительности и причин, обуславливающих движение в музыкальной драматургии. Так, в пьесе Полеухиной стала актуальной проблема аналога аккомпанемента, решавшаяся с помощью чашек и стаканов; по поводу вокального опуса Зобнина (о гниении поэзии и разложении ее на химические элементы) был задан вопрос о причинах крещендо перед кодой-репризой. Согласно предположению автора, вопрос разрешался сопряжением *нарастания* предметной определенности объектов и *увеличения* интенсивности звучания. Своими ответами, вызвавшими бурную эмоциональную реакцию аудитории, Акбалькан демонстрировал последовательный иррационализм: от сакральной по духу связи первых слов дочери композитора, шумеро-аккадских текстов о сотворении мира и мыслей о рождении первого слова до принципов развития материала, основанных на интуиции. Этим он в корне упредил контраргументацию рационалиста Ланга. Пятая соната Логунова была более всего прозвучавшей музыкой (а не экспериментом); исполнена она была хорошо, но существовала словно бы в параллельной вселенной, чем породила ожидаемый вопрос о связи ее с современными реалиями и логичный ответ о динамической сущности традиций.

Накануне, во вторник, 9 октября, в 19.00 (де-факто — в 19.30) в пространстве «Тайга» на Дворцовой набережной, д. 20, состоялась российская премьера сочинения Ланга «Простота. Тишина» («Einfalt. Stille»). Исполнен опус был легендарным Московским Ансамблем Современной

Two reviews of the performance of *Silentio* by Austrian composer Klaus Lang at the festival *World of Sound. Microtonal Innovation* (October 2012), written by one and the same author. The first review is a report on the events of the concert and the master class conducted by the composer, and the second is a poetic look at the same concert.

Key words: microtonal music, Klaus Lang.

Две рецензии на исполнение «*Silentio*» Клауса Ланга в рамках фестиваля «Мир звука. Микротоновые инновации» (октябрь 2012 года), написанные одним автором. Первая рецензия — отчет о событиях концерта и мастер-класса композитора, вторая — поэтический взгляд на тот же концерт.

Ключевые слова: микротоновая музыка, К. Ланг.

Музыки и не менее легендарной Натальей Пшеничниковой из Германии — признанными лидерами по количеству и качеству премьер новой музыки в России. Квартет исполнителей, помимо вокала, составили альт, флейты всем семейством (в основном использовались пикколо и бас) и ударные, в том числе, со звукоизвлечением посредством смычка — вибрафон, там-там и стаканы с водой. Длительность сочинения — чуть меньше часа (по официальным данным — 50 минут). На всем протяжении музыки наблюдалось стремление к минимальному отклонению от тишины, от «неожидаемого» состояния психики. Диктат тишины вызвал необходимость ликвидировать шум от переворачивания страниц. Для этого исполнители перемещались между пюпитрами, расставленными по периметру зала. Но даже максимальное число пюпитров (у альты) не превышало трех, что неудивительно по причине предельной звуковой экономии: так, в партитуре вместо привычных секунд были выставлены минуты. Отличающиеся от тишины звуки были максимально деликатны: это — и мажорные трезвучия, и большие секунды, и сверхмедленное глissандирование альты. Особый колорит придавали также осторожные и медленные звуки вокалистки, средние между «у» и «о», сближавшие атмосферу музыки с ночной природой.

Не менее примечательными были моменты дуэтов и *soli*, когда звучание приближалось к тишине более всего; было одиночество флейты и одиночество там-тама, урчащего под смычком. По абсолютному погружению в бесконечность звучащего момента музыка напоминала Фелдмана, но с неповторимым, особо бережным, отношением к тишине и покою. Это бережное отношение поддержали и слушатели, выказавшие почтение и подготовленность: стараясь поддержать тишину и покой, они даже дышали тихо. В качестве тоники минута молчания оказалась абсолютно логичной. Таким образом, и в мастер-классе, и в творчестве Ланг последователен: если нет поводов говорить больше, чем может сказать ничто,

то зачем говорить? Наверное, Шуман подписался бы под этими словами, сказанными музыкой простоты и тишины.

Какой-то пресноватой получилась рецензия. «Засушенные эмбрионы» Сати. Будем придавать микроновость.

Вариация. Октябрьским вечером меланхолично моросил дождь. Листья на деревьях старались сохранить зелень, хотя и знали, что скоро их мир будет разрушен. Поэтому желтизна листьев рождала микрохроматическую гамму в интервале между зеленым и смертельно-белым. Атональная белизна фонарей и анахронический пафос до-минорного Александрийского столпа оживали от теплоты шагов рядом. Сквозь умирание осени прорывался абсурдный оптимизм — это личное: молнии внезапной трагедии и внезапной веры разрывающим диссонансом хотели разрешиться, не в крик Мунка и даже не в Шубертову молитву, а во что-то другое, еще более способное разрушить ощущение бытия...

Впрочем, хватит дурновкусной поэзии. Тем более, что уже и «Тайга» открывает хвойные двери. Народ толпится, набиваясь в прихожей. Минут двадцать. Уже есть версия, что это перформанс: музыканты внутри играют тишину или ее подобие, а слушателей подержат положенные 50 минут — и отправят насладившимися молчанием. Никто б не удивился: публика собралась подготовленная, можно даже сказать, посвященная!

Но все-таки дано добро на вход. Перед входом можно пожертвовать денег на развитие современного искусства или взять черную повязку. Предназначение ее двояко. Варианты — завязать глаза или заткнуть рот. Несколько человек, решившие связать себя с тишиной еще плотнее, решились на второй вариант. В зале места для зрителей в центре были окружены блоком ударных и кольцом пультов. Хотелось поставить стульчик где-то сбоку, на что резонным замечанием прозвучало: «Так это же сцена!». Расположиться в окружении музыкой можно было и на мягком мешке в стиле Pro Arte.

Тут еще и выключили свет. Теперь и уснуть можно! Так, наверное, подумали двое задремавших на мягких современных «креслах». Это стало неотъемлемой частью атмосферы — компенсацией за отсутствие повязок на глазах.

О сновидении. Исполнители вышли, тишина зазвучала. Она стала порождать звуки — малочисленные и тихие, и оттого столь дорогие уху. Там-там проявлялся подземными частотами, но все знали, что он не посмеет преступить законы тишины. Мажорное трезвучие — тоже призрачная маска молчанья: оно сливается с обертоновым рядом, превращаясь в один тихий звук, которому нетрудно умолкнуть. Тембры женского голоса, флейты, альты и вибратона столь мягки в своих сочетаниях, отдаляющихся от соблазна *tutti*, что кажутся призраками, сквозь которые просвечивает звуковая ночь. И все сочинение так напоено культом тишины, что уже скоро ты не хочешь ни взрывов *crescendo*, ни голодного пайка

беззвучия. Хочется бесконечно медленного, как падение пылинок в тихой комнате, *glissandino* альты. И хочется этих нежных диссонансов.

Подлинные диссонансы для музыки, вместе со временем уснувшей на полпути в нирвану, — дыхание людей и свет неоновой вывески за окном. Но замороженные подлинностью *Einfalt und Stille* люди молчали удивительно беззвучно — дыхание замедлялось, кровь стыла, не добираясь до вен... В начале еще хотелось поделиться впечатлениями от отвлекавших деталей, но потом гипноз растворял последние мысли. Правда, к минуте 35 появилась одинокая записная книжка, добавившая скрип карандаша. Чуть позже была пара шепотков. Конечно, эти легкие «киксы» не могли убить симфонию. И, само собой, никаких эсэмэсок и срочных звонков не доходило — их подленькие волны не могли преодолеть стену *Silentio*.

Звуки остановились. Они своим прозрачным покрывалом обволокли сознание, и тишина была уже не густым напряжением, а раствором побежденного звука.

Появляется композитор, рождаются мысли. Аплодисменты. Выход из зала. И жутко холодно. Похолодание градусов на двадцать будто влетело в распахнутые окна.

Дворцовая набережная — и озноб, мурашки. Разве не сохранила тепло одежда? Нет — просто меж страха и надежды пульс застыл, остыла грудь... Да, остановленные кровь и мысли не хотели возвращаться оттуда, где они примирились со смертью. Лишь братское дыхание и тепло человеческого голоса могло растопить минимализм в токах артерий.

Вот оттаяли мысли. В парке напротив дворца неизменное многоцветье листьев и ледяной свет. Исхода нет, если обворожительная музыка роднит чувства с могильным холодом? Если сознаешь, что даже такая музыка — уже не новый росток жизни, а лишь улучшенная, более совершенная модель ночи? Вспомнилось завтра — молодые композиторы тоже будут пытаться удерживать в листах сочинений зелень, наперекор смерти, играющей многообразием течений музыки так же, как она играет богатством красок отживших листьев под сиреновой плащаницей, напитанной моросью.

Лишь теплые шаги и теплый голос могли напомнить о весне. Она наступит даже после зимы, которая не смогла исчерпать жизнь. Красота простоты и молчанья построена по расчету и завораживает, будто иней в безветренный трескучий мороз. Но разве красота может быть в том, что не напоминает о жизни?

Кода. Как видите, все свелось к банальному пафосу и нытью о жизни и смерти. Да и идея двух рецензий, рисующих одно событие с двух разновысотных колоколен одного монастыря, стара как постмодерн (и даже куда старее). По мнению автора, здесь возникает попытка передать ощущение от микроновости словами. «Передать подлинную тишину с помощью приглушенного крика» — конец цитаты.